

современном этапе»; «Северный Кавказ в истории России». Речь идет о научно-издательском проекте государственной значимости.

Если эти вопросы будут решены, региональная историография на Юге России и Северном Кавказе перестанет быть агентом этноцентризма, а то и прямой пособницей экстремизма и станет одной из важнейших научно-интеллектуальных платформ содействия процессам формирования российской национальной идентичности.

Литература

1. Боров А.Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник

КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 2. 1996. С. 83–92.

2. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–35.

3. Черноус В.В. О социально-культурных процессах на Северном Кавказе и основных направлениях их исследования // Научная мысль Кавказа. 1996. № 4.

4. Тхагапсоев Х.Г. О кавказской культурной общности // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 2. С. 30–135.

5. Тхагапсоев Х.Г. Лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентичности Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2001. № 4. С. 56–64.

6. Идрисова М.З., Тхагапсоев Х.Г. Концепция локальной цивилизации в методологии этнической историографии // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 3–14.

А.И. ГЕЛЯЕВА, профессор
М.Ч. КРЕМШОКАЛОВА, доцент

Лингвистическая культурология как сфера межвузовской кооперации

В статье актуализируется значимость кросскультурных исследований в контексте проблем формирования российской идентичности, показана особая роль региональной вузовской науки в этом плане. Отмечается явное несоответствие ныне существующих форм и уровня межвузовской кооперации гуманитарных исследований вызовам времени и запросам страны, идущей по пути консолидации общества и культурно-технологического подъема.

Ключевые слова: культурология, региональный вуз, идентичность, кросскультурное исследование, стратегия образования, поликультурная среда, научный потенциал

Развитие науки, как известно, является одним из ключевых аспектов современной мировой и российской стратегии развития высшей школы, что нашло воплощение и в появлении в стране такой категории вузов, как «национальный исследовательский университет». Однако, как показывает анализ, в нашей отечественной вузовской науке, в ее организации и координации пока доминирует массив нерешенных проблем и инерционность [1]. Во-первых, в этой сфере все еще сохраняется явный перекос в пользу естественных и технических наук, что принято оправдывать «остротой запросов времени» на технологические иннова-

ции. Во-вторых, вне исследовательского интереса коллег остается проблема «естественной ниши» каждого вуза в общей системе российской вузовской науки. Более того, даже сама проблема «прицельной» специализации вузовской науки пока еще не сформулирована в должной мере и не вынесена на общую дискурсивную арену (хотя ее актуальность очевидна). Наша статья является попыткой в какой-то мере исправить эту ситуацию – показать, в частности, что носителем и средоточием нераскрытого потенциала вузовской гуманитарной науки (теоретической и прикладной) является региональный классический университет, функционирующий в поликультурной среде. В этом смысле наша постановка проблемы адресуется как вузовскому сообществу, так и тем инстанциям, которые определяют стратегию развития вузовской науки в стране.

На наш взгляд, речь должна идти о формировании и отборе в каждом вузе тех проблемно-тематических узлов и направлений, которые способны обеспечить конкурентное функционирование вузовских исследований в общем контексте запросов и потребностей развития России и ее регионов в современных условиях. Отметим, что отдельные вузы давно следуют такой стратегии и уже заняли свою нишу в российской вузовской науке, в ее проблемно-тематической «специализации». Так, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина совместно с Институтом языкознания РАН создал «Российскую ассоциацию лингвистов-когнитологов», и никого не смущает тот факт, что многие ведущие ученые России и зарубежных стран приезжают на симпозиумы и конференции по вопросам когнитологии именно в Тамбов; результаты исследований в области когнитивистики печатаются здесь же, в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики».

Другой пример – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Его сотрудники сумели объединить

вокруг себя исследователей жанров речи, результатом чего стало издание восьми фундаментальных сборников научных работ по данной проблематике [2]. Широко известен и пользуется признанием профессионального сообщества и вклад Волгоградского государственного университета в развитие теории дискурса [3; 4]. Достойны внимания, как нам представляется, усилия по интеграции лингвистических и социально-культурологических исследований на основе проекта «Северный Кавказ: языки, литературы, культуры» ученых Ставропольского государственного университета.

Собственный опыт кооперации в сфере гуманитарных наук имеет и Кабардино-Балкарский государственный университет, который совместно с Гранадским университетом (Испания) уже в течение ряда лет исследует миноритарные языки в социально-культурном и лингвокультурологическом аспектах [5]. Это направление особенно актуально в условиях современной России – в контексте проблем формирования российской национальной идентичности. Ситуация в стране такова, что именно лингвистическая культурология является той сферой исследования и формой организации гуманитарной науки в региональном университете, которая «призвана к действиям», гарантирует не только теоретическую успешность, но и значимый прикладной выход [6]. Дело в том, что многие вопросы теории и практики культурологии так или иначе ориентированы на познание (исследование) когнитивных структур и их систематизацию, что, в свою очередь, затрагивает интересы современной лингвистической науки. В этом смысле лингвокультурологические исследования изначально носят междисциплинарный характер, что само по себе позитивно в плане развития науки. Но когда речь идет о региональных университетах, погруженных в поликультурную и многоязыковую среду, полем междисциплинарных исследований становятся межкультурные и межъязыковые

взаимодействия, которые имеют не только значимые социально-политические измерения, но и перспективы научно-методологического характера, поскольку порождают принципиально новые теоретические модели лингвистической науки.

Так, на протяжении ряда десятилетий кафедра теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова проводила (и проводит) полевые работы на Камчатке, Памире, в Туве, Грузии, Азербайджане и особенно активно – на территории Дагестана. В этом ключе действуют также РГГУ и СПбГУ. В итоге созданы грамматические описания неизвестных до этого науке языков (арчинского, хиналугского, годоберинского, багвалинского, цахурского), что само по себе обогащает лингвистическую науку [7; 8]. Но самое главное заключается в другом – в обретении наукой (познавательной практикой) принципиально новых когнитивных ресурсов, которые обнаруживаются и складываются в ходе изучения миноритарных языков. Например, широко известный российский лингвист А.Е. Кибрик в процессе исследования языков через призму «экзотических» кавказских языков (их структурно-модельных и процессно-коммуникативных особенностей) выявил и сформулировал принципиально новые модели исследования русского языка, что привело к введению в научный оборот понятия «внешнего посессора», получившего в дальнейшем обобщение в общелингвистических универсалиях. Таким образом, языки малочисленных народов Кавказа, исследование которых в современной российской практике организации и финансирования вузовской науки, как нетрудно догадаться, считаются малозначимыми и не очень актуальными, как выяснилось, оказались способны выступать в качестве принципиально нового инструмента познания категорий хорошо изученного русского языка и продвижения «переднего фронта» лингвистической науки в целом.

Известны и другие факты, когда соот-

несение культур порождает новые лингвистические категории универсального плана. Так, благодаря исследованиям в области японистики в научный оборот вошла категория вежливости «как грамматическое явление», а не только как культурно-нравственное или поведенческое понятие. Подобного рода открытия становятся возможными вследствие того, что порой значимые элементы языка и культуры могут присутствовать в одних случаях как маркированные элементы когнитивного сознания, а в других – не иметь знака, соотношенного с данным феноменом (скажем, с теми же актами вежливости), хотя его смыслы присутствуют в языке в скрытой форме. Именно в таких случаях кросскультурные исследования способны дать толчок развитию научной мысли.

Ныне существующая практика финансирования вузовской науки (в частности, стремление поставить вузовскую гуманитарную науку в национальных республиках в зависимость от местных бюджетов, где средств на науку нет и не может быть уже в силу немощи этих бюджетов), по существу, свидетельствует о неверии Министерства образования и науки РФ в возможности и способности регионального вуза внести свою лепту в решение общих проблем развития страны, отечественной науки. Но и в этих условиях в региональной

высшей школе достаточно успешно ведутся лингвокультурологические и кросскультурные исследования, актуальность которых, как отмечалось, бесспорна, особенно в контексте проблем формирования российской идентичности. Примером является деятельность ученых Воронежского университета. В ракурсе их внимания находятся как раз проблемы межкультурной коммуникации с особым акцентом на проявлениях культуры в межличностном, межэтническом и межнациональном общении. Созданные воронежскими учеными модели описания коммуникативного поведения в полилингвальном социальном пространстве представляют ценность в качестве алгоритмов культурного поведения, способствующих нейтрализации «культурного шока», под которым понимается «осознание резкого расхождения материальных или духовных культур народов, проявляющееся в условиях личностного непосредственного контакта с представителями другой культуры и сопровождающееся непониманием, неадекватной интерпретацией или прямым неприятием чужой культуры с позиций собственной культуры» [9, с. 12]. Подмеченная вузовскими гуманитариями ситуация «культурного шока» сегодня, к сожалению, во многом определяет атмосферу в наших городах-мегаполисах, куда «двинули языки и народы» бывшего СССР в поисках лучшего жизнеустройства. Эта ситуация, как выясняется, может регулироваться и преодолеваться не только силами правоохранительных и силовых органов, но и методами гуманитарной вузовской науки.

Очевидно и другое: масштабные кросскультурные исследования (подчеркнем еще раз, они остро востребованы современными процессами российской трансформации) требуют кооперации вузов, имеющих «контрастно различающиеся» культурные оптики, например, Воронежского и Кабардино-Балкарского государственных университетов. Более того, подобная кооперация

не только гарантировала бы прогресс вузовской гуманитарной науки, но и новое качество ее практического приложения, поскольку вовлекаемые в кооперацию студенты и аспиранты оказываются в поле формирования, апробации и легитимации граней национальной и цивилизационной идентичности новой России. Формально преград на пути к подобной кооперации нет, если вузы этого захотят. Но проблема, как уже подчеркивалось, в том, что ныне действующие порядки организации и финансирования вузовской науки никак не способствуют появлению и развитию подобной научно-интеграционной инициативы.

В контексте рассматриваемой проблематики хотели бы привлечь внимание еще к одному обстоятельству. Лингвокультурологические и кросскультурные исследования порождают новые вызовы в адрес методологии научно-гуманитарного познания, по сути, подстегивая развитие этой отрасли науки. В этом плане характерны работы ученых КБГУ, в которых показано, что концепт «идентичность» порождает новые методологические горизонты для лингвокультурологии, поскольку создает «когнитивные мостики» между психологией, лингвистикой, культурологией, социологией, социальной информатикой и общей теорией систем [10–12].

В свете изложенного нам представляется, что лингвокультурологические и кросскультурные исследования в региональных вузах следовало бы интегрировать в крупные общенациональные (общероссийские) темы с целевым фондом финансирования. При этом, как мы полагаем, речь могла бы идти о таких проблемных постановках: «Россия: гармония в многообразии» или «Универсалии культуры в российском пространстве», смысловые доминанты которых связаны с конкретными задачами формирования российской идентичности. Подобная стратегия вузовской науки позволила бы преодолеть идеологию гипертрофии уникальности каждой культуры, которая

возобладала у нас с 90-х годов, ввергнув страну в «конфликт идентичностей», и сосредоточиться на выявлении универсальных свойств наших культур, могущих стать основой формирования российской гражданской солидарности.

Литература

1. *Тхагапсоев Х.Г.* На путях в миражи? (к современным стратегиям развития образования в России) // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 21–29.
2. Жанры речи. Вып. 1–8. Саратов, 1997–2012.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.
5. *Габуниа З., Гусман Тирадо Р.* Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 589 с.
6. *Тхагапсоев Х.Г.* К проблемам и перспективам развития российской культурологии // Вопросы культурологии. 2012. № 8. С. 6–12.
7. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке. М.: Изд-во МГУ, 1992.
8. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные в языке. СПб.: Алетейя, 2003.
9. *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2007.
10. *Тхагапсоев Х.Г.* Идентичность как философская категория // Философские науки. 2011. № 1 (спец. выпуск). С. 10–25.
11. *Гатиатуллина Э.Р., Тхагапсоев Х.Г.* Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. С. 16–23.
12. *Тхагапсоев Х.Г.* Идентичность в когнитивно-эпистемической системе культурологии // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 62–67; 2011. № 3. С. 21–26.

Р.Х. КОЧЕСОКОВ, профессор
Х.Б. МАМСИРОВ, профессор
Э.М. ДЫМОВ, доцент

Грани классического университета: творческая мастерская Александра Сокурова

Статья посвящена проблематике роли, места и форм бытия социально-гуманитарной науки в современном классическом университете. На примере кино как синтетического вида искусства показано, как решается проблема синтеза «двух культур» – гуманитарно-гуманистической и рационально-прагматической, проблема диалога культур.

Ключевые слова: классический университет, естественные науки, социально-гуманитарная наука, проблема двух культур, диалог культур, кино, кино как форма культуры

Тип учебного заведения, к которому восходит современный классический университет, зародился в Европе, в лоне европейской культуры в эпоху Высокого средневековья как центр гуманитарного знания и гуманитарной мысли, их развития и трансляции. И лишь веками позже «точным наукам» удастся обосноваться в университете. Однако, начиная с XIX в., на общем фоне фантастических достижений классическо-

го естествознания и первых волн технологических революций индустриальной эпохи естественные науки – физика, химия, математика – начинают претендовать на ведущие позиции на интеллектуально-культурной арене. В итоге классический университет становится пространством соперничества наук двух типов: социально-гуманитарных и точных (физико-математических, химических, инженерных). К 60-м годам